

Глава 5. Храм Синчжи (5) Тысячелетний дух лисы

—

Сяо Фу повернулся и продолжил приказывать: «Юаньцин, принеси мне подробную биографию Сяо Хуана, чиновника из Министерства доходов. В особенности, что касается второй дочери семьи Сяо: как её зовут, каков её характер, с кем она общается — всё это должно быть тщательно проверено».

Юаньцин хоть и не понимал, но подчинился.

Тем временем во дворце уже всё перевернулось с ног на голову.

Император лежал на золотом ложе, его лицо было багровым, он мучился, извиваясь, и кричал: «Императрица-мать, императрица-мать...»

«Сынок, мой сынок, я здесь, императрица-мать здесь!» Императрица-мать Сяо чуть не плакала от беспокойства: «Доктор! Доктор Чжан, где доктор Чжан!»

Спешно примчавшийся во дворец с медицинским сундуком доктор Чжан, рухнул на землю: «Ваше Величество, императрица-мать, я здесь».

«Как Сяо Фу? Насколько он ранен?»

Доктор Чжан, стоя на коленях, ответил: «Маркиз... не может двигаться, я никак не мог привести его во дворец».

Император Юйвэнь Дуо правил менее восьми лет. Он был молод, и никто не мог подумать, что в свои двадцать пять он каким-то образом оказался поражён ядовитым червём-гу народа Мяо!

Яд гу вызывал нестерпимый зуд по всему телу. Это был третий приступ, до этого они повторялись ежемесячно, с регулярностью женского цикла.

Все врачи осматривали его, некоторые говорили, что это яд. Доктор Чжан предположил, что это был гу: «Вероятно, он был добавлен в императорскую трапезу. После того, как червь-гу превращается в порошок, он растворяется в пище, а затем откладывает яйца в животе. Поскольку это не вызывает немедленного действия, трудно быть начеку».

Императрица-мать Сяо: «Тогда что же делать?!»

Доктор Чжан сказал: «Червя-гу легко посадить, но трудно удалить. Только мастер в этом деле сможет вылечить болезнь».

«Мастер гу... Скорее, скорее пошлите людей в Юньнань! Обязательно найдите Гу Вана!»

Однако через месяц вестей не было, и императрица-мать Сяо вдруг вспомнила о своём брате Сяо Фу.

Юйвэнь Дуо плакал, как ребёнок: «Императрица-мать, где Сяо Фу! Дядя! Императрица-мать, я хочу к своему дяде...»

Императрица-мать Сяо могла лишь утешить его: «Маркиз Динбэй был ранен при въезде в столицу, он тяжело ранен и не может двигаться...»

«Кто-нибудь... выведите меня из дворца, я пойду к нему, я буду умолять его! То, что я отправил его тогда в изгнание, было слишком жестоко».

Глаза Юйвэнь Дуо выпучились, вены на лице вздулись, он дрожал, как решето: «Пусть он найдёт Гу Вана... пусть приведёт его ко мне! А! Императрица-мать, ваш сын, так страдает...»

Следы Гу Вана были загадочны, однако Сяо Фу с детства рос в княжеском дворце Юньнань. В детстве его похитили, и Гу Ван спас его, так они и познакомились.

Позже дед Сяо Фу, князь Юньнань, был поражён странным червём гу и был при смерти. Именно Сяо Фу нашёл Гу Вана, и тот, потратив сорок девять дней, освободил деда от гу.

Сяо Фу осмеливался дать пощечину императору во-первых потому, что имел знатное происхождение и был старейшиной императора; во-вторых, он был наполовину бандитом, в нём была некая дикость, он не уважал императорскую власть.

Юйвэнь Дуо чувствовал себя униженным его поведением, но при этом опасался его. По совету евнухов он всячески пытался заставить Сяо Фу отправиться охранять перевал.

Императрица-мать Сяо тоже говорила ему, что он поступает слишком жестоко: «Сяо Фу всё-таки твой дядя, даже если он всего на пару лет старше тебя».

Юйвэнь Дуо же сказал, что Сяо Фу — его главный враг: «Он опирается на поместье герцога Чанго, княжество Юньнань, богатое, как целая страна. Императрица-мать, вы его старшая сестра, он не считается со мной! Что, если однажды он посчитает меня неприятным и захочет занять мой трон?»

Императрица-мать Сяо сказала: «Нет, он твой старший родственник».

Юйвэнь Дуо: «Но он также из рода князей Юньнань!»

Князь Юньнань — это был вассал, которого предыдущий император больше всего хотел устранить, но который в то же время был заслуженным чиновником, помогшим ему взойти на трон.

Семь лет спустя, сегодня, Юйвэнь Дуо начал спешно звать Сяо Фу, с покрасневшими глазами крича: «Императрица-мать, я хочу тайно покинуть дворец! Пойти к Сяо Фу, пусть он приведёт мне Гу Вана!»

Этот приступ длился всего день или два, но казалось, что он потерял половину жизни, лежал полумёртвый, с трудом дыша.

«Императору покинуть дворец — это не мелочь. Если кто-то узнает, то... будут большие неприятности». Императрица-мать Сяо молча покачала головой: «Об этом знаем только мы с тобой, доктор Чжан и несколько приближённых евнухов и дворцовых служанок. Эти евнухи и служанки уже были наказаны, и лишь доктору Чжану сохранили жизнь. Ваше Величество, не беспокойтесь, я немедленно под предлогом молитвы покину дворец, и ваш дядя обязательно найдёт для вас Гу Вана!»

Повернувшись, императрица-мать Сяо выглядела опечаленной.

«Почему же он пошёл именно в храм Синчжи...»

Храм Синчжи, Зал Очищения Сердца.

Линь Цзыкуй ворочался без сна всю ночь.

На следующее утро, когда небо только начало светлеть, Мо Лю проснулся первым, как обычно, принёс Линь Цзыкую тазик воды. Вода была из горного источника, ледяная на ощупь. Линь Цзыкуй немного проснулся от холодной воды и несколько раз невольно закашлялся.

Мо Лю накинул ему на плечи плащ из серого кроличьего меха: «Господин, в горах холодно, будьте осторожны, чтобы не простудиться. У нас мало одежды, не нужно ли спуститься с горы и купить пару вещей?»

Линь Цзыкуй покачал головой: «Поговорим об этом позже».

«Ох». Мо Лю в полудрёме вспомнил вчерашний день: «Кстати, господин, вчера я пошёл разведать в восточный гостевой зал. Вы сказали, что меня обнаружили люди госпожи Сяо и даже оглушили, а потом я вернулся. Господин, вы прояснили ситуацию с госпожой Сяо?»

Линь Цзыкуй вздохнул: «Она, кажется, не хочет расторгать помолвку».

«Почему вы вздыхаете, разве это не хорошо! Эта госпожа Сяо, она прекрасна, как небожительница?»

Линь Цзыкуй поколебался: «Небожительница, спустившаяся с небес, просто... отличается от обычных женщин».

«Чем отличается? Я вчера её так и не видел».

«Она... выше меня», — Линь Цзыкуй показал жестом, — «крупнее меня, красивее меня, статная».

Лицо Мо Лю становилось всё более странным. Небожительница?

«Вы говорите о мужчине, не так ли?»

«Нет, она женщина, просто очень любит мужскую одежду. Мо Лю, если ты её увидишь, ни в коем случае не груби! Тело и волосы даны родителями, вторая госпожа родилась выше и крупнее мужчины, и голос у неё не нежный, и это не по её желанию».

Мо Лю почесал голову и согласился.

Линь Цзыкуй замолчал, опустил голову и завязал чёрную повязку на глаза. Это была его привычка: избегать яркого света днём, выходя из дома, чтобы меньше напрягать глаза.

Позавтракав в храме, Линь Цзыкуй отправился в Храм Вэньчан. Он снял плащ, встал на колени на молитвенный коврик и совершил полный обряд молитвы, возжёт благовония, прося об успехе на экзаменах, а затем направился в Храм Гуаньинь, где благоговейно вытянул палочку предсказаний Гуаньинь.

«Небеса и земля создают благополучный брак, в благоприятный день и час всё сущее сходится. Если вам выпадет этот жребий, это будет немалым событием. Верный и честный человек будет почитаем императором». Мо Лю прочитал ему предсказание, радостно сказав: «Господин, это первая палочка, это, должно быть, очень хорошее предсказание!»

Толковательница предсказаний, даосская монахиня лет шестидесяти, взяв палочку, на лице её появилось изумление: «Чья это палочка?»

«Моего господина!»

Линь Цзыкуй, сложив руки в приветствии, ответил: «Даос, это я вытянул».

Женщина-даос осмотрела его: «Ты спрашиваешь о славе или о браке?»

«Слава... и брак, и то, и другое».

Женщина-даос вздохнула: «Это палочка Короля Небес, я впервые вижу, чтобы кто-то её вытянул. Если спрашиваешь о славе, это означает, что ты в будущем станешь чжуаньюанем (первым на императорском экзамене), ниже одного человека и выше десяти тысяч».

Мо Лю пришёл в экстаз, взволнованно схватив его за руку: «Господин!»

Линь Цзыкуй тоже выглядел удивлённым и спросил: «А если о браке?»

Женщина-даос, держа палочку: «Брак уже близок, и влиятельный человек обратит на тебя внимание, наградит тебя и добровольно вступит с тобой в отношения».

Линь Цзыкуй отступил на полшага назад, вспомнив вторую госпожу Сяо.

Неужели это его судьба?

«Тогда... я женюсь на ней?»

«Судя по палочке, результат будет хорошим, господин, не беспокойтесь». Женщина-даос сказала: «У вас есть ещё вопросы?»

Линь Цзыкуй хотел спросить «а если я не захочу», но почему-то не осмелился. Он сложил руки в приветствии и поблагодарил: «Спасибо, даос».

«Не за что», — монахиня была очень дружелюбна, — «господин, вы живёте в западном гостевом зале храма?»

«Именно».

«В последние годы из-за некоторых слухов редко кто из учёных приезжает в храм Синчжи для учёбы. Раз уж вы приехали, значит, это судьба».

Линь Цзыкуй с сомнением: «Какие слухи?»

Монахиня, увидев, что он не знает, сказала: «Просто пустые слухи».

Она больше ничего не сказала, так как подошли другие паломники за предсказаниями. Линь Цзыкуй вынужден был уйти. В храме Синчжи было много паломников, особенно в первый и пятнадцатый день каждого месяца, тогда он был переполнен. Всё здание даосского храма тянулось вверх по склону горы вдоль центральной оси, и чтобы попасть в задний зал, нужно было пройти через две узкие двери.

Линь Цзыкуй поклонился каждому, как вдруг услышал рядом плач и капризы.

«Мама, я хочу учиться в храме Синчжи, ну пожалуйста, согласись!»

«Нет! Разве ты не знаешь...» Старая женщина оглянулась по сторонам, и её голос мгновенно стих: «Ты не знаешь, что в их гостевом зале водятся чудовища?! Сколько там учёных умерло!»

Линь Цыкуй и Мо Лю вздрогнули.

«Это же даосский храм, откуда здесь чудовища!»

«Эта соблазнительная лисица-дух в красном, у неё тысячелетний опыт, она специально соблазняет таких учёных, как ты! Об этом не может быть и речи, идём домой с мамой!»

«Мама!»

Увидев, что они собираются уходить, Мо Лю поспешно шагнул вперёд: «Постойте».

Старая женщина: «Что вам?»

Мо Лю: «Ничего, просто... Тётя сказала что-то про дух лисы, почему я о нём не слышал?»

Старая женщина взглянула на слугу Мо Лю, затем на Линь Цыкуя, стоявшего позади него, явно учёного, и тихо объяснила: «Говорят, что на задней горе храма Синчжи есть небольшой храм лисицы-божества, но, к сожалению, там живёт не лисица-божество, а дух лисицы. Несколько лет назад один цзюйжэнь, каждый раз проходя мимо, поклонялся ей, и лисица-дух привязалась к нему. В конце концов, этот цзюйжэнь повесился в гостевом зале в красной одежде. Говорят, когда он умер, вся его жизненная сила была высосана!»

Вероятно, из-за того, что это был даосский храм, старая женщина не стала вдаваться в подробности, лишь сказала: «Хотя в гостевом зале произошёл этот случай, молитвы и гадания здесь очень эффективны». И поспешно ушла с сыном.

Мо Лю встревоженно: «Господин, в гостевом зале, оказывается, есть чудовища, неудивительно, что вчера, когда мы пришли, лицо того даоса было странным».

Линь Цыкуй оставался относительно спокойным: «Та монахиня, которая только что толковала предсказания, сказала, что в эти годы ни один учёный не приходил сюда жить, вот в чём причина. Но я думаю, это всё пустые разговоры. Учёные, готовящиеся к экзаменам, испытывают большое давление, и повеситься — не редкость. Из уст в уста слухи искажаются, и это превращается в духа лисы в красном, похищающую души».

«Господин прав».

Хозяин и слуга прошли мимо Зала Саньцин и направились к гостевому залу в заднем дворе. Оттуда доносился тонкий аромат сливы. Мо Лю поддержал его: «Господин, там ступеньки, идите медленнее».

Линь Цыкуй медленно поднялся по ступеням. Вдруг Мо Лю остановился.

Недалеко, перед стеной из глазурованной плитки, стояло столетнее османтусовое дерево. На его ветвях висело бесчисленное множество красных лент для пожеланий, которые легко развевались на ветру. Под деревом стояла «женщина» в красной одежде, её наряд был огненно-красным, дерзким и свободным. Даже издали можно было ясно разглядеть это сияющее, прекрасное, как сон, лицо.

Поскольку этот человек был в женской одежде, с распущенными чёрными волосами, и его внешность была настолько прекрасной и ослепительной, что захватывало дух, Мо Лю сначала изумился, а затем занервничал: «Господин!»

Линь Цзыкуй недоумевал: «Что случилось? Что ты увидел?»

«Это, это...» Мо Лю сглотнул: «Дух лисы в красном, похищающий души...»

Он без лишних слов потащил Линь Цзыкуя прочь: «Пойдёмте в Храм Гуаньинь, спрячемся!»

«Ты, должно быть, ошибся», — Линь Цзыкуй знал, что он труслив и не переносит жутких историй, к тому же он совсем не верил в чудовищ, — и тут же сорвал повязку с глаз, — «Это всего лишь девушка в красной одежде, тебе нечего бояться, я же рядом».

Сказав это, Линь Цзыкуй внимательно посмотрел и действительно увидел человека в красном. Лица его он не мог разглядеть, но чувствовал, что кожа его бела, как снег, и он был похож на демона или призрака.

По телосложению он, скорее, напоминал мужчину.

Линь Цзыкуй нахмурился: «Ты говоришь, дух лисы, это она?»

«Да, да... Господин, нам всё же лучше уйти!»

Линь Цзыкуй не двигался: «Я отведу тебя поближе, чтобы посмотреть. Как может в даосском храме быть дух лисы? Даос сама сказала, что это всё пустые слухи. Как ты, учёный, можешь верить во все эти странные и сверхъестественные вещи?»

Закончив говорить, он без разговоров потащил Мо Лю.

«Господин, я не хочу, не тяните меня больше...» Мо Лю явно сопротивлялся.

Затем, подойдя ближе, Линь Цзыкуй увидел красавицу в красном под деревом, которая подняла руку и помахала ему: «Линь-лан! Линь-лан*!»

[*Слово 郎 (láng), используется как вежливое обращение к молодому мужчине. Переводится как: «молодой человек», «мужчина», «господин», а также в качестве ласкового обращения «муженёк».]

Линь Цзыкуй остановился.

Этот голос был ясным, с металлическим оттенком, и отличался от голоса обычной женщины. Просто по тембру можно было представить себе её высокое телосложение, её лицо с алыми губами и нефритовым лицом, сияющее улыбкой — Линь Цзыкуй сразу же узнал её.

Это была вторая госпожа Сяо.

«Она зовёт господина Линя?» Мо Лю в панике: «Конец, господин, дух лисы нацелился на вас!»

Линь Цзыкуй быстро повернулся: «Мо Лю, пойдём в Храм Гуаньинь».

Мо Лю облегчённо вздохнул и быстро потащил господина бежать.

Линь Цзыкуй спешил, торопливо надел повязку на глаза, но не успел дойти, как его вдруг схватила за плечо чья-то рука. Хватка была несильной, но Линь Цзыкуй мгновенно замер, и на мгновение ему подумалось, неужели вторая госпожа и правда превратилась в духа лисицы.

Приглушённый голос приблизился, дыхание коснулось его уха, спрашивая: «Линь-лан, зачем ты так быстро идёшь?»

—

<http://bllate.org/book/14420/1274649>